

**АЛЬШАНСКАЯ
ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА**

президент благотворительного фонда
«Волонтеры в помощь детям-сиротам»

ВОЛОНТЕРСТВО: ГОСУДАРСТВЕННОЕ VS ГРАЖДАНСКОЕ

Одиннадцать лет назад, первого марта 2010 года, в пять утра по московскому времени на арене BC Place в Ванкувере под звуки гимна России и над огромной ареной был торжественно поднят российский флаг, а весь стадион окрасился в цвета триколора. За минуту до этого мэр Ванкувера и президент Международного Олимпийского комитета Жак Рогге передали олимпийский флаг мэру Сочи Анатолию Пахомову. С этой минуты Россия официально стала страной, принимающей у себя [следующие Олимпийские игры 2014 года](#)¹.

Согласно подписанному с МОК соглашению, кроме обеспечения всей спортивной инфраструктуры страна, принимающая олимпиаду, брала на себя обязательства организовать участие волонтеров в проведении и организации Олимпиады. Выбор России как места для проведения Олимпиады состоялся еще в 2007 году, но, видимо, только после официальной передачи олимпийского флага встал вопрос о том, как обеспечить волонтеров.

Можно сказать, что с этого момента в России начинается история официальных взаимоотношений волонтерства и государства, а также зарождается система организованного государством добровольчества.

До этого волонтерство (добровольчество) развивалось сугубо в формате низовой гражданской активности, в рамках деятельности некоммерческих организаций или самостоятельных незарегистрированных волонтерских групп. Законодательное

¹ См.: Церемония закрытия XXI зимних Олимпийских игр. Полная хроника // РИА Новости. 01.03.2010. URL: <https://ria.ru/20100301/211472109.html>.

определение добровольческой деятельности появилось в нашей стране только в 1995 году в рамках федерального закона «О благотворительной деятельности». Под добровольчеством в нем понималась благотворительная деятельность в виде безвозмездного выполнения работ или оказания услуг благотворительным организациям. Активное развитие общественных объединений в конце 1980-х и начале 1990-х годов было взрывным, но законодательно не регулировалось. Объединения так и назывались — «неформальные», и не столько в силу их андеграундности, но просто потому, что никаких законных и урегулированных «формальных», самостоятельных и независимых от государства и коммунистической партии объединений граждан до 1995 года не существовало. В целом до середины 2000-х серьезной поддержки со стороны государства некоммерческий сектор и добровольческие инициативы на себе не ощущали. Выживали самостоятельно кто как мог. И, конечно, нельзя было ожидать серьезного уровня развития при отсутствии достаточной поддержки, ресурсов для этого развития.

Термин «волонтерство» впервые появился в законодательстве исключительно в отношении волонтеров, задействованных в проведении Олимпиады 2014 года, в специальных нормативно-правовых актах, регулирующих ее проведение.

Я хорошо помню этот период — примерно 2010—2011 годы, может, на год-два раньше, — когда буквально каждой второй НКО, работавшей с волонтерами, включая нашу, поступали звонки от государственных органов с вопросом, могут ли они обеспечить какое-то количество волонтеров на Олимпиаду. НКО, работавшие в социальной, экологической, культурной и иных далеких от проведения спортивных мероприятий сферах, конечно же, не могли и никаким образом не обеспечили бы необходимое количество и требуемый уровень подготовки волонтеров. Это дело пытались поручить отделениям «Росмолодежи», комитетам по делам с молодежью, но было очевидно, что с заявленной задачей они в одиночку могут не справиться. В результате было принято политическое решение, и в 2011 году в стране открылись государственные центры по подготовке и обучению волонтеров к Олимпиаде. Основы подготовки волонтеров изучали на международных программах, обучая тренеров у зарубежных коллег. В итоге к 2014 году государству удалось создать вполне качественные центры по подготовке добровольцев. На Олимпиаде в Сочи приняло участие 25 000 волонтеров, уровень их подготовки был высоко оценен Олимпийским комитетом.

Так в нашей стране появилось государственное волонтерство. Центры начали работать над подготовкой волонтеров к другим большим событийным мероприятиям (Универсиада, Чемпионат мира по футболу и т. п.). Добровольческие центры с самого начала помимо общего рекрутинга наладили плотное взаимодействие с вузами, студенты которых становились основным ресурсом, привлекаемым

Фото: исполнительная дирекция Зимней универсиады.
Из открытых источников

на организацию мероприятий. Сегодня они входят в Ассоциацию волонтерских центров, которая, помимо этих центров, объединяет большинство вузовских центров по работе с волонтерами, а также ряд некоммерческих организаций.

В итоге сформировались и начали сосуществовать две параллельные, практически не пересекающиеся системы: государственное, поначалу преимущественно событийное добровольчество и добровольчество, развивавшееся с 1990-х годов в гражданской, общественной сфере, направленное на решение самых разнообразных задач: от помощи взрослым и детям в трудных ситуациях до тушения пожаров и поиска людей.

Независимое добровольчество обладало рядом довольно неудобных для государства характеристик. Прежде всего неудобно было то, что это не единая структура, у нее нет никаких признаков, которые позволяли бы объединять разрозненные группы между собой. Добровольцы, решающие социальные, экологические, любые другие задачи, объединяются локально, вокруг территорий или проблемных тем. Они объединяются сами, или их могут набирать любые некоммерческие организации. Это просто разнонаправленная свободная гражданская активность. В результате невозможно взаимодействовать с этими группами как с сообществом, невозможно через простую коммуникацию с лидерами контролировать их деятельность. С точки зрения современного государственного мышления, присущего нашей современной системе управления, которая стремится все категоризировать, объединить и создать механизмы контроля и управления,

подобная рассредоточенная и неорганизованная гражданская активность в форме добровольчества не обладает качествами, позволившими бы с ней взаимодействовать в удобном для госорганов формате.

Восприятие добровольчества в гражданской сфере существенно иное. Оно воспринимается как свободный порыв взять на себя больше ответственности за создание общественного блага. Это максимально индивидуализированное желание любого человека решать какие-то значимые для местного сообщества, общества или даже мира в целом задачи или проблемы. Объединение в группу для решения этих задач тоже воспринимается как максимально свободное самостоятельное решение, которое можно в любой момент отменить.

Поэтому, как мне кажется, долгое время меры поддержки и поощрения добровольчества формировались исключительно в расчете на государственное, понятное, отрегулированное, хорошо организованное и управляемое добровольчество.

Приведу пример, объясняющий, как работает этот подход. Примерно с 2013—2014 года на уровне министерства образования начали активно обсуждать возможность учета добровольческой деятельности при поступлении в вузы. Добровольческая деятельность должна была давать дополнительные баллы для поступающих. Мы участвовали в ряде таких встреч. Главный запрос государства был в создании единой системы учета и верификации всех добровольцев. Так как у НКО есть свои системы работы с добровольцами, включая их учет, идея делать сквозную единую государственную базу, куда каждая НКО обязана была бы заносить своих добровольцев, не встретила понимания и поддержки в общественном секторе, тем более добровольцы, работающие в этом секторе, — это чаще всего не школьники, для которых вопрос баллов при поступлении был бы максимально актуален. А идея доступа государства к информации обо всех добровольцах, помогающих сектору, или обязательности занесения сведений о них в общую базу (со всеми соответствующими рисками) не выглядит нормальной для концепции гражданского добровольчества.

В результате был принят ряд законопроектов, в которых профильные вузы наделялись возможностью учитывать баллы при поступлении. По сути, порядок, в котором это было принято, просто оставил за рамками весь недостаточно договороспособный и непрозрачный для государства третий сектор.

Баллы начисляются волонтеру, который принесет личную книжку волонтера. Личная книжка волонтера — это документ, выдача которого регулируется субъектами РФ, и во всех известных мне субъектах порядок их выдачи не только определяется государственным органом, но и выдается тоже исключительно органом государственной власти.

В субъектах Российской Федерации порядок выдачи Личной книжки волонтера определяется органами исполнительной власти, реализующими государственную молодежную политику или по их поручению государственными/муниципальными учреждениями, обеспечивающими возможность оказания услуг и проведения мероприятий, направленных на вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность².

Некоммерческие организации, фонды, группы волонтеров, работающие самостоятельно, не могут выдать своему волонтеру личную книжку волонтера. Его опыт работы в негосударственной организации, таким образом, не может быть учтен для поступления в вуз. Всей волонтерской работы, которая существует в третьем секторе, для государства как будто нет.

Ряд государственных региональных центров, заведующих выдачей волонтерских книжек, решают этот вопрос, заключая соглашения с НКО и выдавая в рамках этого соглашения личные книжки волонтеров. Эти личные книжки — с названием и символикой государственного органа (например, комитета по делам молодежи) или уполномоченного государственного центра по работе с волонтерами (например, «Мосволонтер» в Москве), по сути, обезличивают работу добровольца в НКО.

Возникла еще одна инициатива, которая могла бы снять эту проблему, дав возможность добровольцам получать личные книжки не только в уполномоченных на их выдачу госучреждениях. Ассоциация волонтерских центров создала единый портал добровольчества. Это было поручено Ассоциации в рамках реализации нормативно-правовых документов, изданных после Года добровольчества, а также появившегося в 2018 году закона о добровольчестве (путем кардинального изменения закона о благотворительной деятельности, который теперь называется «Закон о благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»).

Отныне любой человек, зарегистрированный на этом едином портале, может получить личную книжку добровольца в электронном виде. Более того, она автоматически присваивается пользователям, зарегистрированным в ЕИС «DOBRO.RU». В этой схеме, как мы видим, опять нет негосударственного сектора, зато есть реализованная идея единого государственного портала учета всех добровольцев России.

Судя по последним социологическим опросам, государство видит большой потенциал в теме развития добровольчества и вряд ли откажется от права собственности на эту сферу. Доверие к государственным институтам сегодня в обществе доволь-

²Главный документ добровольца: Что такое паспорт волонтера и зачем он нужен? // РИА Новости. 25.04.2018. URL: <https://sn.ria.ru/20180425/1519404040.html>.

Найдено 2052217 совпадений

Из открытых источников

Саматова Камила Саматовна
★★★★★
Была волонтером 8 раз
Саратов, Саратовская область

Мунтяну Владислав Адрианович
★★★★★
Был волонтером 100 раз
Москва

Шершнева Ангелина Олеговна
★★★★★
Была волонтером 3 раза
Саратов, Саратовская область

Ивашенко Виктория Андреевна

но низкое. Исследование [«Российское поколение Z»: установки и ценности](#), проведенное в 2019–2020 годах немецким Фондом им. Фридриха Эберта совместно с «Левада-центром», говорит о том, что уровень доверия и к государству, и к его институтам стабильно низок, однако есть исключения. Как пишут авторы, это волонтеры (им доверяют 49% опрошенных), армия (44%) и президент (42%)³. Знаковым здесь является не только тот факт, что волонтерам

россияне доверяют больше, чем армии и президенту, а то, что независимый исследователь считает волонтеров частью государственных институтов. ВЦИОМ в апреле 2020 года предоставил [данные опроса](#) россиян о готовности оказывать помощь людям на карантине и их оценке волонтерской деятельности в условиях неблагоприятной эпидемиологической ситуации. По результатам опроса, «Три четверти россиян (74%) считают, что волонтеры оказывают существенную помощь населению в условиях распространения коронавируса»⁴.

Могу предположить, что одной из причин такой высокой оценки стала история крупного добровольческого проекта, который государственные организации реализовали, взаимодействуя с некоммерческим сектором во время пандемии. Речь идет о проекте «Мы вместе».

Весной 2020 года, когда на страну обрушился пандемийный кризис, Ассоциация волонтерских центров совместно с Общероссийским народным фронтом (общественное движение, созданное в мае 2011 г. по инициативе президента РФ Владимира Путина) и с движением волонтеров-медиков (всероссийское движение волонтеров, студентов медицинских вузов, созданное при поддержке Министерства здравоохранения РФ) запустила движение «Мы вместе». Оно организовало бесперебойную работу горячей линии для людей в возрасте 65+ (позже категории были расширены), помимо консультирования и информирования про разные аспекты, связанные с пандемией, стало партнером Минтруда и соцзащиты в снабжении людей помощью в регионах, включая проект по снабжению врачей средствами защиты. Организация существовала как на средства, через которые ОНФ и другие участники коалиции субсидируются из бюджета, так

³ См.: Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. Российское «поколение Z»: установки и ценности 2019/2020. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>.

⁴ Волонтеры против коронавируса // ВЦИОМ. 24.04.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/volontery-protiv-koronavirusa>.

и на отдельные субсидии и крупные пожертвования ведущих российских компаний, получив почти два миллиарда рублей пожертвований. Однако прозрачной информации о финансировании движения, а также его расходах, в открытом доступе нет. На сайте движения говорится о 186729 волонтеров, которые присоединились во время пандемии. Это еще один пример крайне успешного опыта «государственного» добровольчества. Но есть нюанс.

Начнем с того, что в большинстве регионов партнерами движения «Мы вместе» стали давно работающие локальные НКО, организации, оказывающие помощь разным категориям населения. Эти НКО становились провайдерами ресурсов, которые поступали в проект, и по сути занимались всеми вопросами на местах. На сайте проекта указано, что у движения 9738 партнеров, однако кто из них коммерческая организация, передавшая помощь, а кто НКО, чьи волонтеры, организовавшие процесс помощи, как раз составили почти 190 тысяч участников проекта, неизвестно. Списков НКО, работавших на местах, на сайте нет. По сути, все эти локальные НКО были поглощены в медийном пространстве большим государственным брендом, их работа стала просто работой одного из 9738 партнеров, а привлеченные ими и помогающие в рамках этих НКО волонтеры — единицами среди 186729 волонтеров, присоединившихся к движению «Мы вместе».

История этого проекта стала мощным примером пиара добровольчества — как решения сложного пандемического кризиса. В ситуации снижения доверия государственным институтам это было почти гениальное решение. Государство решало часть проблем руками волонтеров, вкладывая в это свои ресурсы, но не получая в ответ никакого негатива, а лишь позитивное восприятие этого решения вместе с ростом вовлеченности людей во взаимопомощь.

[На своей странице в социальной сети Facebook](#) я обратилась к коллегам с просьбой рассказать, как видят они эту большую коллаборацию с государством, которая случилась во время пандемии⁵. Показательным тут можно считать не только то, что пишут представители негосударственного сектора, но и то, что почти все конкретные истории никто не рискнул выложить в публичный доступ, половина дискуссии происходила в личных сообщениях. Опыт этой коллаборации, а также ее отсутствия оставил у НКО, которые помогали в пандемию, двойственное впечатление.

Так, почти никто не получил от государства напрямую поддержку во время пандемии в своей работе с подопечными. К примеру, для получения разрешения на передвижение в условиях карантина, для помощи своим подопечным в большинстве

⁵ СМ.: Елена Альшанская // Facebook. 13.03.2021. URL: <https://www.facebook.com/ElenaAlshanskaya/posts/4207108889307279>.

регионов надо было записывать своих волонтеров как волонтеров «Мы вместе» или через региональные добровольческие центры, по сути, анонимизируя свою деятельность в качестве НКО. В большинстве регионов не были предусмотрены форматы помощи напрямую общественным организациям, не через индивидуальную регистрацию их волонтеров как волонтеров другого, государственного проекта. Некоторые коллеги почувствовали себя использованными, так как для того, чтобы оказывать помощь, они должны были «отдать» своих волонтеров в списки другой организации. Некоторые, напротив, оценили этот опыт как усиление своего ресурса через «принадлежность» большому государственному проекту и не считали значимым тот факт, что их волонтеры должны были еще где-то регистрироваться как волонтеры, раз это давало дополнительные возможности — где-то разрешение на перемещение по городу, где-то бесплатные средства индивидуальной защиты, где-то дополнительную материальную помощь, которую раздавали волонтеры НКО в коллаборации с проектом «Мы вместе».

Судя по живому отклику граждан на такие инициативы, можно предположить, что дело было не в желании увеличить численные показатели волонтеров за счет волонтеров НКО. Скорее, как и в истории с волонтерской книжкой, государство не понимает, как взаимодействовать с разрозненными независимыми гражданскими инициативами, как их верифицировать, поэтому предпочитает просто создавать параллельные удобные и понятные для себя структуры и механизмы, в которые НКО могут встраиваться, если хотят получить часть «бонусов» для волонтеров, участвующих в их проектах.

Нельзя сказать, что государство совсем не видит некоммерческий сектор или не способно с ним взаимодействовать. Государство в целом довольно активно вкладывается в развитие некоммерческого сектора, Фонд президентских грантов каждый год раздает все больше государственных средств и охватывает все большее количество территорий. Тем не менее вопрос взаимодействия с государством и совместного решения задач стоит крайне остро: какой вид партнерства видят государство и общественный сектор? можно ли назвать партнерством невидимое и непроявленное участие? может ли история развития добровольчества быть историей взаимодействия свободных инициатив и историей поддержки негосударственного сектора и объединений низового активизма? может ли быть партнерство на равных таких неравновесных по ресурсу и возможностям и, что тоже имеет значение, таких разных по охвату и масштабу структур?

Уровень доверия добровольчеству становится хорошо конвертируемой медийной ценностью. Чем закончится эта история, мы пока не знаем. Ответов у меня нет, есть только вопросы. Станет ли добровольчество исключительно государственным проектом? Научится ли наше государство поддерживать тех, кто им не является?